

Прекрасное время

Так получилось, что я родилась, и мама школу не закончила. Она стала работать вместе с папой. Мама помогала папе-баянисту проводить массовки и утренники в школах, вечера и праздники на заводах и фабриках. Она стала успешно осваивать профессию массовика.

Потому можно сказать, что я родилась в «музыкальной» семье. А точнее, я родилась в музыкальное время. Для меня жизнь до войны — это музыка!

Каждый день новые песни, новые мелодии. Они звучали по радио и на улицах; с утра, когда папа разучивал «новый репертуар»; вечером, когда приходили гости; у соседей на пластинках. Песни и мелодии я сватывала на лету. Я их чисто пела, еще не научившись говорить.

Папа и мама работали в Харьковском Дворце пионеров. Это был новый красивый Дворец. Он находился на площади Тевелева. В большом мраморном зале посередине стоял квадратный аквариум. Там плавали необыкновенные красные пушистые рыбки.

В перерывах между массовками мы с папой бежали к аквариуму: «Дочурка! Якие рыбки, рыбки! Я ще такие зроду не видал. Якая прелес... божья рыба...» Мама всегда портила ему настроение: «Марк, ты хоть рот закрой. Сорок лет на пороге... Хуже Люси... хи-хи-хи». — «Леличка, ну яких сорок? Ще нема сорок, зачем человеку зря набавлять?» И папа, взяв меня на руки, посылал в мамину спину: «Во — яга! Мамыньки родны... Ета ж чистая НКВД! Ничего, дочурочка, зато папурик в тебя самый лучий!».

Ну, конечно, самый лучший! Самый необыкновенный! Я обнимала его, прижимала его голову к своей...

Имя свое я получила за два часа до рождения. Испуганный папа отвез маму в роддом, что был на Пушкинской улице, а сам «на нервной почве» побегал в кино. Тогда на экранах с огромным успехом шел американский приключенческий фильм «Акулы Нью-Йорка». В картине было множество дотеле невиданных, неправдоподобных трюков, погонь, выстрелов... Герой фильма, красавец Алан, совершает чудеса — спускается по канату с самолета на крышу несущегося поезда, в котором возят его похищенную возлюбленную, прелестную Люси. После сеанса потрясенный папа примчался в роддом и срочно передал маме записку: «Лель! Детка моя! Если в меня будит орел, назовем Алан. А если девычка, хай будит Люси!».

Но в загсе папе сказали, что такого имени — Люси! —

в России нет. Есть имя Людмила. Это старое славянское имя. Означает — «людям мила». А дома называют как хотите — Люся, Люси... И зачитали папе целый список самых модных в то время имен: Кима, Ноябрьрина, Искра, Владлена, Сталина, Марклена, Октябриня, Мюда...

— Як это Мюда?
— Международный юношеский день.

—...Гм... не-е, давайте лучий Людмила... «Людям мила»... это мне подходит... это значит, что все люди будут до ней по ласке. Давай пиши! Хай дочурка у меня будит Людмилку.

...Из роддома меня привезли на извозчике. Такси в Харькове в 1935 году были еще редкостью. Привезли в нашу маленькую комнату в большом доме по Мордвиновскому переулку, № 17. С этой комнатой у меня связаны самые светлые и прекрасные воспоминания в жизни.

Комната была подвальной, с одним окном. Прямо под окном стоял стол. Слева — буфет. В буфете на верхней полке в вазе постоянно лежали конфеты. Я их получала за свои выступления.

А выступала я перед всеми, кто попадал к нам в дом. Папа тут же усаживал гостя.

— Ну куда, куда ты бежишь? Ну чиво? Сядь, передохни! Галава ты... Усех дел не переделаешь. Щас тебе моя дочурка концертик устроит.

И начиналось! Папа ставил стул посередине комнаты, я быстро вскарабкивалась на него, руки назад, глаза широко открыты, улыбка самая веселая. Я все делала так, как учил меня папа: «Дочурка, глаза распрости ширей, весело улыбайся и дуй свое!» Начинала я со стихотворения:

Жук-рогач, жук-рогач —
Самый первый силач!
У него, у жуна,
На головушке — рога!

При этих словах полагалось приставить к вискам два указательных пальца.

Гость вежливо улыбаясь: «Очень мило, очень мило», — и собирался уходить. «Куда ты? Не-е, брат, ще тока начало! Давай, дочурчинка, песенку з чечеточку!» Это означало, что в конце песни, какой бы она ни была, надо дать «кусочек» чечетки. Я хлопала себя почти одновременно

Людмила Гурченко

ТАК БЫЛО

но по груди, коленям и, выбросив ногу вперед, а руки в стороны, громко выкрикивала: X-x-xal!».

Эх, Андрюша, нам ли быть в печали,
Возьми гармонь, играй на все лады,
Так играй, чтоб горы заплесали,
Чтоб зашумели зеленые сады!

Папа на баяне — «тари-дари, дари-дам!».

И я свое «x-x-xal!».

После этого гость обязательно смеялся. Больше всех радовался и подыгрывал мне папа: «Не, актрису будит, точно. Ето як закон! Усе песни на лету берет, як зверь. Ну, вокурат актриса!».

И человек, который к нам заходил на минуту, уже через четверть часа под папиным обаянием и натиском совершенно забывал, куда и зачем он шел, почему он оказался у нас и, конечно, оставался... Папа выразительно смотрел на маму. Мама бежала в магазин. А я продолжала свое выступление.

...Домой человек уходил лишь поздним вечером, держа за стенку, хвалил маму, восхищаясь «дочуркой», прославлял папу — щедрую русскую душу — и благодарил, благодарил. Папа был счастлив.

Кто бы к нам ни приходил, начиналось так: «Ну, девки, давай скорее на стол, человек в гостях. Лялюша! Давай, шевелися чуковней... Штоб усе було як на Первое мая!».

У нас в доме все праздники были, как на Первое мая. Для меня праздник Первое мая был самым веселым. Папа шел на демонстрации впереди колонны с баяном, весь в белом, брезентовые туфли начищались мелом. Мама, в белой юбке, в белой майке и в белом берете, дирижировала хором. Пели все! И я не помню грустных лиц до войны. Я не помню ни одного немолодого лица. Как будто до войны все были молодыми. Молодой папа, молодая мама, молодые все! И я с ними — счастливая, радостная и, как мне внушил мой папа, «совершенно исключительная»...

Папины друзья

У папы было очень много друзей. Особенно до войны. «Друзья» — это те, с которыми его связывали дело, баян, профессия. «Кровенные

друзья» — это те, с которыми он говорил о профессии за столом. Раз вместе поднимали рюмки — значит, этот друг становился «кровенным», то есть кровным. Без друзей о водке в доме не было и речи. Но стоило папе сесть за стол с «кровенными» — вступал в силу его характер: как это так, чтобы кто-то оказался сильнее его? Чтобы он кому-нибудь уступил?

Были среди друзей и подруги. «Уажерки». Те, которые ему нравились, за которыми он ухаживал. Одинокие женщины, которых он утешал или словом, или тихонько похлопывал их ниже спины, так, чтобы — не дай бог! — не увидела мама. А я все видела и никогда своего папочку не выдавала. Папа всю жизнь до старости пользовался большим успехом у женщин.

Он был прекрасно сложен, выше среднего роста. Очень сильный и чрезвычайно легкий в движениях. Танцевал пластично и любое па брал с ходу. У папы были синие глаза, темные выющиеся волосы и открытый, теплый взгляд. Но самым прекрасным в нем была улыбка! Когда он улыбался — улыбались все! Если представить себе то время, те моды, моего папу с лучезарной улыбкой да еще с баяном в руках... Да ни одна женщина не могла устоять!

Были у него и бесконечные поклонники. После работы около нашего окна его уже поджидали несколько человек. Я смотрела на маму: чем кончится? Или папа их пригласит в дом, и я буду выступать, или он даст им деньги и они уйдут.

— Людям, дочурка, усем нада помогать, — говорил папа. — Ты даешь, и тебе бог дась... Во, моя детка...

Деньги всегда были у мамы. Папа их моментально тратил или безвозмездно отдавал «взаймы»...

С детства я тайно страдала, что папа так неграмотно говорил. Был даже в моей жизни позорный период, когда я его стеснялась. Правда, это длилось недолго. Как мне теперь стыдно за тот период!

...Вот мы идем с папой по Сумской улице. Папа покупает все, что мне хочется. А я все время задаю ему вопросы: «А что это? А кто это?» И он с удовольствием отвечает. На ходу перевоплощается в продавцов, животных, милиционеров — в тех, кто меня интересовал. И так нам весе-

ло, так интересно... «Якая умная девычка! Исключительно допытываю».

Один раз я его сильно озадачила. Увидев издали нашего знакомого, папа мне сказал: — Дочурка! Хто ета? Познай. Во-онин идет...

— Папурик, почему ты говоришь «воин»? Надо говорить «вон он», понимаешь? Ты неправильно говоришь, папа.

— Лель! Ты скажи на милость, такая соплюшка и вже заметила.

А через время:

— Лель! Ета ж скока Люси тогда було? Гола четыре? Ну да, четыре гола. И вже роднога отца вчила. Та што там гаварить... Во ребенык!..

Чем старше я становилась, тем все больше и больше задумывалась, как могло произойти, что два этих совершенно разных человека — мой отец и мать — могли прожить вместе всю жизнь...

В разные годы своей жизни я приставала к маме с одним и тем же вопросом:

— Ну как ты — умная, из интеллигентной семьи — могла выйти за папу? Ну, скажи, мам, неужели ты не слышала, как он говорил, какой у него характер? Ведь это же сразу видно. А? Ну, мам, ну скажи... — Ну, видела... — всегда неохотно отвечала мама.

— Ну и что же? Скажи, мам! Мне это очень нужно, пожалуйста!

— Не знаю... вот так... Ах, ну зачем тебе это? Этого не объяснишь.

Люди тянулись к нему. Везде он был в центре внимания. Не успеешь прийти с папой в незнакомое общество, вскоре около него компания, шутки, смех. Услышав веселье, со всех сторон присоединяются и другие. «Ну когда успел? Что за человек!» — тихо жаловалась мне мама, хотя я видела, что ей это приятно.

Многие пользовались его добротой, многие его обманывали.

— Лель! Сегодня видел Удава.

— Он тебе деньги отдал?

— Да не-е, он, як увидев меня, сразу голову — брык униз, мо, на земле шо-та ищит... А я думаю — дай перейду на другую сторону от греха подальший. Не, Лель! Он не оддась — то дело пиши пропало... Он же за копейку з церкви прыгнеть.

«Удавом» папа прозвал своего коллегу, баяниста дядю Сеню. Это прозвище дядя Сеня получил за скупость, за то, что много и жадно ел. Мы с мамой смеялись до слез, когда за столом папа показывал Удава во время обеда: «Во жреть! Мамыньки родныи, не вспешиш у сторону голову отвесь — на столе вже ничегинька нема! Тока блысь — и кругом чисто! Ну скажи на милость, жреть, як удав».

Удав да Удав. А что зовут Семеном, все забыли, даже его жена. Она жаловалась маме: «Все проедаем... Точно твой Марк назвал Удавом».

Сказёнки

Самые яркие мои впечатления детства — папины сказки. Сказки. Придя с работы домой, папа снимал свой баян с плеч, ставил его на стул и шел мыться. Мамаша по длинному коридору на коммунальную кухню готовить ужин. А я вся тряслась в ожидании, когда же папа скажет: «Ну, дочурка, якую тебе сегодня рассказать сказенку? Веселую или жалостливую?»

Вопрос этот он задавал каждый вечер. Одновременно происходила отрететированная мизансцена: папа ложился на нашу кровать с шариками, а я торопливо усаживалась ему на грудь, чтобы тут же бодро воскликнуть:

— Жалостливую!
— Для дочурки ув обязательном порядке! — И начиналось...

Папа знал три сказки, но они всегда были новыми. Он их называл «Вогниво», «Медуза Гаргона». Много позже эти сказки — «Огниво» и «О Медузе Горгоне и храбром Персее» — я прочла. Они мне показались серыми и скучными по сравнению с цветной, яркой папиной интерпретацией.

А третий сюжет был самый волнующий, «Вольный». Тут кто хотел, то и говорил. Заворачивал в любую сторону. Сюжет про бедную девочку, которую выгнали из дома. При помощи волшебных сил она скоро становилась большой, богатой и красивой. И вот пришло время выбрать себе жениха. Этого момента я ждала, аж дух замирал. Папапиному, все женихи должны были выстроиться в длинный ряд и ждать, кому же принцесса-красавица отдаст предпочтение.

— Ходить она от аднаго до другога... И никого не хочеть обидеть... И етый парень краси-ивый, здаро-овый, но идет она дальший. И враз остановилась. Глаза у землю опускаит и говорить: «А ето мой муж!» И одевать ему на папелец кольцо! Усе у драгоценных каменнях. И выбрала она, дочурочка, високага, чернявага молодого орла! Глаза блестять, як у цыгана, нос горбом, зубы, як мел, вусы, як у Буденнага... А он ей и отвечать: «Спасибо тебе, барышня. Буду служить тебе верую и правду!».

И я себя представляла той бедной девочкой, которая становится принцессой, и втайне грезила, какой же он будет, этот высокий, чернявый... Это папа с детства нарисовал мне идеальный портрет героя. Бедный папа. Он и не представлял тогда, сколько ошибок и разочарований предстояло мне испытать впоследствии. Сначала в поисках этого «высокага, чернявага», а потом уже и после встречи с ним...

(Продолжение следует).